

Андрей ЛОМОВЦЕВ

Андрей Ломовцев родился в 1968 году в подмосковных Мытищах. Закончил Московский гуманитарный институт, кафедра психологии. Впоследствии занимался предпринимательством. Закончил школу трейдеров в Москве и школу йоги в Индии (инструктор). Обучался в литературной мастерской Андрея Аствацатурова, школе «Хороший текст», участвовал в литературных семинарах и марафонах. Публиковался на портале «гУрУ арт» (Берлин).

ДРУГ МОЙ ПАЛЫЧ

Рассказ

Приветствую тебя, Палыч!

Как поживаешь, друг мой, достиг ли ваш корабль величественных берегов Антарктиды, или всё ещё крошите льды в Южных морях? Не дозвониться тебе, не достучаться, одно удовольствие настроить письмо, как в старые добрые времена, и терпеливо дожидаться ответа.

Расписал по твоей просьбе несколько гексаграмм из Книги Перемен «И цзин», и в целом знаки положительно говорят о твоём решении остаться на зимовку. Так что дерзай. Пиши – будет время, и пришли фоток о суровых буднях морского перехода, буду ждать.

Ну а я расскажу про нашу жизнь, карантинную, особенности её и казусы.

Как говорится, никто и предположить подобного не мог, а случилось. Эпидемия. Кстати, космология майя, описанная в священной книге «Пополь-Вух», гласит, что в эпоху Шестого Солнца такой катаклизм неизбежен.

После объявленных минздравом запретов затаились мы с Миленой на даче, в ставшей уже родной Гороховке. Ну ты помнишь наш синий домик на конце улицы, да столетнюю липу, что видно с дороги. Народу в деревне полно, интернет быстрый, магазин какой-никакой имеется, до уездного городка рукой подать, да и лето на горизонте, воздух, природа. В общем, неплохо.

Университет на карантине, приехать и забрать нужные материалы – большая проблема. QR-коды, штрафы, маски, которых не купить, кошмар. Студенты в разгуле, на онлайн-лекции, этот новый вид обучения, что сейчас в моде, собираются вяло. Сiju в тишине, проверяю работы по психологии у первокурсников, читаю материалы бездельникам с третьего, ну и – пишу адаптацию к «Методикам Феличе–Энде». Помнится, рассказывал тебе про исследования массачусетского института. Совершенно уникальная работа, если удастся продвинуть её в России – отклик в психологических кругах обеспечен.

Вот представь, задают тебе вопрос при приёме на работу:

Случалось ли так, что родитель, или другой взрослый проживающий с вами, часто или очень часто, толкал вас, хватал, шлёпал или бросал в вас что-нибудь? Возможно, однажды он ударил вас настолько сильно, что у вас остались следы удара, или вы получили травму?

ДА... НЕТ... (Если – ДА, поставите цифру один).

Согласись, мало кто из россиян ответит – нет. И таких заковыристых вопросов там прилично. При этом в США данные опросники – повсеместная практика.

Да уж. Вот и я в лёгком шоке, ведь для сравнения – когда читаешь наши опросники, ощущение, будто живёшь в каменном веке, Я тебе пришлю позже в полном объёме, считаешь, это увлекательно – поверь.

Ну этот вопрос вторичен, когда дело касается моих собственных практик. Хотя помню, с какой долей иронии ты к ним относишься, но согласишься – твою экспедицию я предугадал совершенно точно. Самое интересное, Палыч, иногда судьба выдаёт мне удивительные знаки, переплетая их с текущими событиями, и душа наполняется беспокойственностью и тревогой – не слишком ли много мне позволено знать, чего ждать завтра? Представляю, что ты подумал, но не торопись с выводами, просто прочти.

Я приведу тебе один день – наполненный уникальным опытом, что привёл к неоднозначным выводам.

Суббота. 18 апреля 2020 года. Село Гороховка

8.00. С утра радостно взвизгнул телефон, и перво-наперво я выглянул в окно. Делаю так постоянно, независимо от времени года и местонахождения, упражняюсь в технике – хоу-тянь (упёр у китайцев), по-нашему – Метод Первого Знамени. Кстати, практиковали и римляне, и греки, и германцы, и даже индусы.

Работает. Правда – через раз.

Так вот – смотрю; не летят ли птицы, нет ли дыма на горизонте, всё ли в порядке во дворе. И слава Вселенной, небо – залито лазурью, чисто и светло, ни облачка. Солнце брызжет теплом от радости нового дня. Трава ещё не выползла, но грязь на дорогах подсохла. Открыл окошко – свежо, запах приветливый, фермеры говнецо на поля вывезли, сороки под окном ругаются. И тут – смех.

Вижу соседа нашего, Ефима Дарского. Широкоплечный, точно кадушка, пенсионер, в светлом плаще до пят, в шляпе, с палкой, и улыбка во весь рот. Потешный человек, милый. Плетётся бывший доктор санэпиднадзора с семейством, дочь под стать папаше – на тракторе не объехать, жена сухая веточка, да три внука мал мала меньше. Идут – дорогу шеренгой перекрыли, смеются, детки шепелявят – воробьёв пугают. И разлилась в моей душе благодать, увидеть с утра Еврея – к удаче! А если их шесть, чем не чудо.

Как говорят китайцы, шесть – гладко. В нумерологии число это – вселенское равновесие. Для начала дня, думаю, – очень даже замечательно, до мурашек пробрало, вот так утро!

К десяти, в великолепном расположении духа и состояния, застёгиваю на правом запястье – браслет синего агата, потому как без него ни шагу с детства не делаю. Мать, ещё помню, учила, прежде чем из личного пространства шагнуть, не забудь защиту-браслет. Он у меня на силиконовой нити, с серебряным замком, с квадратами цвета глубокого космоса, и, если всмотреться, кажется, там теряются звёзды и туманности. И есть бусины с прожилками серого и голубого, в них можно увидеть кольца Сатурна в миниатюре. Мать привезла его из Мексики, что-то копала в очередной раз, на Юкатане, в далёких восьмидесятих. Повесила мне на руку и сказала, что теперь дурного глаза, зависти и клеветы – могу никогда не бояться. Сильная штуковина короче.

Спустился на кухню. Тринадцать ступенек со второго-то этажа, и на каждой по знаку – Боги древних майя, и хотя супруга говорит, что пора бы заканчивать с юношескими увлечениями, но нет, не могу. Как можно, скажите на милость, я этих богов с шести лет возлюбил. С момента как книгу у матери на столе полистал, так и втюрился навсегда в древнюю культуру.

Спускаюсь, значит. Высоту ступеней специально со строителями подгадывал. Тринадцать для меня цифра сокровенная, у майя означала тринадцать небес и столько же божеств. Имена их – от зубов отскакивают, будто вчера учил; Ицамна, Ах-Пуч, Эк-Чуах, Иш-Чель – это моя любимица, богиня луны, покровительница деторождения. Когда

Милена детям начинает вызванивать, одному в Канаду, другой в Питер, третьему в Рим, с благодарностью Иш-Чель вспоминаю, ну а кто, как не она, помогла.

Когда наверх поднимаюсь, позволяю себе поразмышлять о Тринадцати воротах Милосердия и Тринадцати фонтанах, прописанных в Каббале, тоже, извините, книга, достойная внимания. Или взойду мыслями к мистическому тексту «Зогар», где говорится о священном старце о трёх головах, что бродит на тринадцати дорогах любви. Может, и я где, на тех развилках, заплутал.

В общем, хорошие, добротные ступеньки из натурального дуба.

На кухне Милена, бодрая, в расписном халате, в бежевом фартуке, волосы в пучок, очки на носу, сосредоточенно смотрит новости и хлопочет с блинчиками. Непонятно, к чему внимания больше. Скворчит масло, гундит дикторша на экране, запахи витают – объединенье, ваниль с миндалём, а мне вот чайник заварной срочно требуется. Не начинаю завтрак без Сычуаньской техники – гадания на чайных листках. Заливаю кипятка в мелколистовой и блюдец сверху. Созерцаю минуты три. Звук на ящике выключаю, никаких новостей в этот момент, тишина нужна. Милена бубнит, а я смотрю. Если в чайнике одна чайнка слева всплывёт, а две справа – благоприятность на весь день обеспечена, во всех отношениях.

Закрутилось шесть, а значит, счастья придётся ждать – долго. Отнёс этот не позитивный момент на счёт карантина и принялся за блинчики. С медком изумительно зашли.

К полудню присел за работу. Лекций сегодня нет, только двадцать курсовых прочесть, ну и статью доделать. Зажёг палочки Голубого лотоса, опустился в вяжущие глубины перевода, позабыв и о перекурах. К обеду дошёл до таблиц опросника, в очередной раз удивившись дотошности заокеанских диагностов-психологов, и тут услышал – карабкается по лестнице возбуждённая Милена. Шаг у неё тяжёлый, ступени взвизгивают, ругаются, вот и сама – взлохмаченная, с глазами испуганной рыси.

– Потоп, Игнат, спускайся скорее, тонем.

Эх, неужели благоприятность, поданная с утра знаком шести евреев, – исчерпалась?

Колобком качусь по лестнице, позабыв про Богов и Апостолов. Выбегаю в сад. Матерь Божья, адские воды хлещут из-под забора, бьются мелкой волной о деревянные стены беседки. Полноценное озеро. Беда.

Первое, что приходит на ум – сосед Василий, Вася, Васька, гражданин-товарищ Салазкин, в очередной раз спасает утонувший в грунтовых водах подвал.

Василий бывший дальнобойщик, своего рода демон улицы. Покрытый ржавчиной рефрижератор Вася пристроил вдоль забора, и теперь грузовик плачет маслом, заливая обочину.

Обычно с утра гражданин-товарищ Салазкин хмур и расстроен, и лицо его носит печать внутренней болезни, и значит, при встрече лучше обойти стороной.

Знаки, говорящие о восстановлении Василия, появляются к обеду; округу заливает «хрустальный» звон посуды и запах подгоревшего шашлыка.

Ближе к вечеру – Вася раскован и весел, собирает гостей на свои «пиры Валтасара». Он терзает гитару и поёт, используя техники горлового пения народов Севера.

Как цыгане уходят табором в небо, так Васька отправляется с «гостями» в ночное. Нецензурные речи сотрясают воздух, но встречаются и любопытные обороты, пригодные для внесения в толковые словари. За полночь, когда выкатывают на небосклон звёзды, следует финальная битва, где хозяин, судя по выкрикам, отчаянно сражается с гостями «нетрадиционной ориентации». И только ближе к утру воцаряется на улице тишина.

Так или иначе, бойко журча по уклону, поток превратил наш участок в Гороховский Залив, 17. Осталось дожждаться открытия купального сезона и прикупить к тому времени ласты.

У меня нет ни малейшего желания выходить на унижительный уровень соседских разборок. Словно глубоководная рыба Бассогигас, попытался залечь на дно. Сверкнув на солнце очками-перископами, плавно отхожу в дом – мол работа, статья.

Но Милена, упёрши руки в широкие бока, ждёт. Взгляд из-под очков тревожно-суровый.

– Игнат, пора уже остановить это безобразие! Сколько можно?

Безобразие, извините, весит под сто кило, и ростом – я под мышку дышу. И главное, судя по времени – сосед не перешёл во вторую фазу брэнного бытия, а мне бы дожждаться третьей стадии – музыкальной, тогда и дискутировать проще. В общем, у меня есть время подготовиться.

Скрипя костями, заношу себя наверх. Вдоль стены мой любимыми стеллаж, где гордо красуется «История Китая» на верхотуре, и пылится внизу «Таро – теория и практика».

Хватаю со второй полки Книгу Перемен «И цзин», что там говорят знаки? Без этого не может быть верных решений, я себя знаю. Курительные палочки разжигать некогда. Шепчу вопрос, вдох, роняю на пол цзяо-бей, искривлённые деревянные плашки. Если обе падают на выпуклую сторону – это Инь, остановись, не иди дальше. Ложатся на плоскую – Ян, действуй продвигайся вперёд.

Выдох, выпало – Инь. Вот ведь дела, а как же водохранилище в саду?

Есть ещё верный метод, взбросить три монеты, где орёл идёт к двум, а решка к трём, но надо долго писать гексаграммы, на час-другой минимум.

Солнце ушло, затянуло тучами небо, на кухне гремит стульями Милена, зовёт меня вызывающе громко, и судя по голосу – явно идёт на грозу. Плюнул, кинул куртку на плечи и вперёд. Была не была.

Время к четырём. Желудок сводит, щекочет лысину ветерок, я закурил – затянулся. Благодать, банный дымок бьёт в ноздри, где-то соседи растапливают баньку. Суббота же.

Только вышел за калитку, Отец Филимон навстречу. Эх. Деревенька у нас небольшая, на полста домов, а собор отгрохали – с федеральной трассы купола отсвечивают. Внутри мрамор, мозаика, витражи на окнах – красотища. Видать – денег не жалели, грехи отмаливая. Батюшка, если в гражданское переодеть, от мордатых спонсоров неотличим будет, видал я их. За пару лет отец Филимон перевёз в деревеньку сестру с мужем, двоюродных братьев, что активно скупил в округе свободные земли, да каких-то там, тетек-дядек-племяшей. Козы у батюшки, молоко, сыр катает, пирожки печёт, грехи отпускает – хозяйственник в общем,

Он видимо сестру проведывал, третий дом её слева по улице. Лицо у священника круглое что блин, серьёзное, борода седая, пушистая. Сколько ему, за полтинник наверно, почти ровесники.

Не по себе слегка, представляю, как выгляжу, в домашних штанах, лыжной куртке и с сигаркой.

– Доброго дня, Игнатий Васильевич!

– И вам, отец Филимон!

Доброго это хорошо, да только Священника встретить – к неудаче. Мне уж и курить неохота.

Подошёл к калитке соседа, доска потрескалась, краска облупилась, потемнела от времени. Сбоку, на столбе деревянном, шестёрка болтается, а единичка сорвалась, затёртая в песке лежит. Вздвогнул я, шесть Евреев с утра, шесть чайнок всплыло, это третья шестёрка за день. Можно по-разному отнестись, даже и не заметить, но три раза по шесть у меня до сего не встречалось. Одна шестёрка в плюс, но две-то в минус.

Вдохнул, грудь расправил, калитку толкнул – широко шагнул.

И в общем, не удивительно, что послал меня Вася дальнобойщик. Громогласно, с прищуром в оплывшем глазе, сглатывая янтарную бороду пива с холодной стенки огромной кружки, Вася заявил, что Правила при сливе не нарушал. И указал, ухмыляясь, координаты выхода.

Так посылают экспедиции в дальние земли, в глубокий космос, без слёз, без тоски в глазах, без надежды на возвращение.

Бросало мне небо знаки – не суйся, пиши, проверяй лекции, высохло бы, и дело с концом. Не послушал, теперь живи на острове, в грязи слов вымазанный, профессор, блин.

Дело к ужину. Милена пожарила лосося, и запах, который я никогда не любил, разлетелся по всему дому. Вспомнилось, как однажды, в бытность моей работы в стройотряде, Санхар, студент из Узбекистана, пожарил в обеденной палатке селёдку. Тошнотворная вонь держалась неделю, и Санхар не ночевал эти дни в лагере и ходил сильно взгрустнувший. А мы невзлюбили рыбу.

Под лосося открыли бутылку красного.

Тут Милена и говорит.

– Представляешь, звонила сегодня Марина, ну помнишь, анестезиолог из городской хирургии? Знаешь, сколько у них заражённых этим вирусом, шестьдесят шесть человек, и коек не хватает.

Я и не понял поначалу, о чём она. Больничка от нас в десяти километрах, из силикатного кирпича довоенной постройки в два этажа, с отвратным запахом хлорки, и даже удивительно, что столько народу приняла. Ну коек не хватает, и что. Сижую, жую.

И тут меня накрыло – опять шесть, шестьдесят шесть. Вспотел, будто чаю в жару выпил, потекло под мышками, неуютно стало, сердце тревожно застучало. Знаки.

Вот тебе, профессор, распишитесь и получите: шесть евреев, шесть чаинок, на калитке водяного-дальнобойщика шестёрка, и всё случайность? Возможно ли такое.

Это вселенная дублирует сигналы, для особо одарённых – шестьдесят шесть в социальном послании.

Ё-моё, так и суббота шестой день.

Всё. Взмок. Ослаб. Милена в беспокойстве поглядывает, но я молчу. Вздохнул-выдохнул, побежал наверх, якобы наброски к статье чиркать, а у самого руки трясутся. Хватаю карандаш, листок, зуд у меня к нумерологии.

С миром цифр меня познакомил отец. Я тогда в шестом учился наверно, и он, помню, открыл занавес осторожно, поигрался с Числом Пи, нарисовал Золотое Сечение, напугал цифрой Смита, заморозил последовательностью Фибоначчи. И я подсел, стало интересно. Лет в двадцать, уже в университете, залпом прочёл Мартина Гарднера, «Математические чудеса и тайны». Как минимум месяц выдавал сокурсникам факты, от которых кружилась голова. Меня сразила тогда мистика цифр в биографии Авраама Линкольна и Джона Кеннеди.

Линкольн был избран президентом в 1860 году, а Кеннеди – в 1960-м.

Оба были убиты в пятницу. Линкольн – в театре Форда, Кеннеди – в автомобиле Ford.

Обоих на посту сменили члены демократической партии по фамилии Джонсон.

Эндрю Джонсон родился в 1808 году, Линдон Джонсон – в 1908-м.

Секретарей Линкольна и Кеннеди звали Джон и Линкольн соответственно.

Убийцы президентов родились в 1839 и 1939 годах.

Джон Уилкс Бут застрелил Линкольна в театре и сбежал на склад, а Ли Харви Освальд, убивший Кеннеди, стрелял из склада и скрывался в театре.

В именах обоих убийц на английском языке по 15 букв.

Бывает же такое.

Но вернёмся к субботе. И вот, посидел, поразмышлял, карандаш сгрыз в процессе, голова на разрыв – цифры, знаки, совпадения.

Десять ходики отщёлкали. Слышу, телевизор внизу зашипел, про коронавирус. Я так и замер в кресле, как гончая на старте, которой зайца в кустах показали, но с поводка не спустили. Corona virus. Эх, изопсефия нам в помощь, а ведь это метод перевода букв и слов в числа.

Итак: Corona – 6 букв.

Судорожно схватил словарь английского, отцифровывал буквы, занёс в таблицу, получил двадцать шесть цифр.

A-1/ B -2/ C -3/ D-4/ E-5/

F-6/ G-7/ H-8/ I-9/ J-10/

K-11/ L-12/ M -13/ N-14/

O-15/ P-16/ Q -17/ R-18/

S-19/ T-20/ U-21/ V-22/

X. Y. Z-26/.

Подставил слово.

C- 3/ O-15/ R-18/ O-15/ N-14/ A-1/.

Получил, $3+15+18+15+14+1=66$.

Что имеем; само слово шесть букв, и в сумме 66, итого ТРИ шестёрки.

Вот к чему шестёрки через день протянулись, мама дорогая. Вирус с числом зверя, да в високосный год. Чутьё подсказывает, к благополучию не скоро вернёмся.

Вот такую историю хотел поведать тебе, дорогой друг. Не знаю, как на это помотришь, но мнение твоё – интересно. Возможно, соображения мои немного сумбурны, но должно быть в жизни место мистическому, и это, похоже, тот самый случай.

Не мёрзни там среди льдов, передавай привет капитану Яковлеву и пингвинам! Возвращайся в целости, но не торопись – в мире пока полная хрень творится.

Береги себя.

Обнимаем,

Игнат и Милена Матюхины.